

Прения по докладу

Речь П. П. Маслова

Я не принадлежу к касте плановиков и не варился в плановом бульоне, так что значительно, вероятно, отстал от тех достижений, которые сделаны плановиками. Для меня даже многое непонятно. Наприм., мне совершенно непонятно, что такое воспроизводство рабочей силы, как задача планового хозяйства. Я знаком с понятием простого воспроизводства, расширенного воспроизводства, но к этому воспроизводство рабочей силы никакого отношения не имеет. Что такое воспроизводство рабочей силы? Это удовлетворение личных и общественных потребностей населения, т. е. потребление продуктов его производства, это цель нар.-хоз. деятельности. А расширенное воспроизводство — это средство для достижения этой цели. В дальнейшем я выясню, почему происходит такое смешение. Мне кажется, что в планировании до сих пор существовало два метода — один метод статистический, о котором вы все знаете, типичным представителем которого является пятилетка. Этот метод удобен тем, что темп развития хозяйства можно как угодно ускорить — нужно поставить определенный темп роста, дать согласованный темп роста различных отраслей промышленности, чтобы получился баланс, и сбалансировать это. Если найдут этот темп слишком медленным, то можно ускорить его. Неудобно это с той стороны, что жизнь идет не в канцелярии и удваивать темпы развития не легко. Существует еще другой метод планирования, который я называю методом хозяйственным. Этот метод говорит конкретнее — он исходит из конкретной действительности и в частном хозяйстве его применение рационально и необходимо.

Этот метод и рекомендуется сегодня докладчиком, конечно, в известной комбинации со статистическим методом. Чем он удобен? Для частного хозяйства он не заменим, потому что в каждой отрасли хозяйства можно планировать наиболее желательный темп развития этой отрасли хозяйства, исходя из того, что если процессы накопления капитала в этом предприятии или в этой отрасли хозяйства недостаточны для того, чтобы достигнуть данного темпа развития, то можно взять капиталы из других отраслей промышленности и этот темп получить. Таким образом, частнохозяйственный метод применим к каждой отдельной отрасли промышленности, предполагая,

что развитие этой отрасли промышленности находится вне зависимости от развития всего народного хозяйства. Мы можем планировать развитие какой-нибудь промышленности в 2—3 раза, сделавши известные вложения, которые взяты из других отраслей хозяйства. Таким образом, этот метод реалистичен в том смысле, что он, опираясь на определенные достижения техники, на достижения опыта, сможет действительно осуществить тот или другой темп развития отдельной отрасли хозяйства или отдельного предприятия, базируясь на изъятиях из других отраслей промышленности. Но по отношению ко всему народному хозяйству этот метод тоже никуда не годится, хотя он наиболее доступен, наиболее понятен, потому что каждый хозяйствующий субъект руководствуется этим методом.

Как же подойти к планированию с народнохозяйственной точки зрения? Я не планировщик и не намерен вам излагать свой особый метод планирования, но думаю, что все-таки в общих чертах я могу указать, по крайней мере, на те недостатки, которые вытекают из планирования, которое применяется, исходя из другого метода.

Буржуазная экономика не дает, по моему, никакого материала для построения перспективного плана, но его дают, по моему мнению, работы К. Маркса, а именно его главы о простом и расширенном воспроизводстве. Если вы посмотрите из чего исходит простое и расширенное воспроизводство, то вы придете к тому, что расширенное воспроизводство базируется на накоплении, что без учета накопления вообще невозможно никакое планирование. Какое накопление? Есть производственное накопление, есть непроизводственное накопление, на каком накоплении возможно расширенное воспроизводство? На производственном накоплении. Какое значение имеет непроизводственное накопление? Отрицательное, противоположное. Если у нас больше непроизводственное накопление, значит меньше производственное накопление, и наоборот. Значит в основном, прежде чем что бы то ни было планировать, приходится исходить из таких самых общих положений о производственном и непроизводственном накоплении. Но производственное и непроизводственное накопление в свою очередь связано с производством и потреблением.

Вот эти проблемы ставятся при построении перспективного плана? Я не заметил их. Экономического цемента, которым сцепляется весь тот громадный материал, из которого предполагается построить здание генплана, этого цемента я не вижу. Докладчик, так же, как и другие планировщики, говорит: „вот на этом месте мы свалим кирпич, а на этом месте свалим лес, а здесь железо“—и доходит до деталей: „а вот здесь ручка от дверей, а здесь стекла и т. д.“. Вся картина, как будто, хороша, только одного не хватает — цемента, который мог бы спаять это в цельное здание. Какой материал для этого нужен? Все знают, что нужен лес, железо, стекло и т. д., но как строить, где тот цемент, посредством которого можно весь сырой материал превратить в здание, об этом не говорят. В самом

деле, где же тут проблема накопления, а где же проблема производственного и непроизводственного потребления, в каком отношении находится это производственное и непроизводственное потребление к проектируемому зданию? Задача накопления — это необходимое условие для развития хозяйства и темп этого накопления определяет темп развития. Недостаточно одного пожелания реконструировать хозяйство на основе самых новейших достижений техники. Почему мы в течение 10 лет не сможем получить западно-европейских достижений техники? Потому что у нас нет средств. Значит, достижения техники определяются исключительно только темпом накопления. Мне часто приходилось слышать: позвольте, вот имеется такое-то изобретение, применение этого изобретения и позволит нам произвести реконструкцию. Может быть, это и прекрасное изобретение, но если производственного накопления не будет, то и изобретение приложено не будет. Так что проблема накопления должна быть учтена в первую очередь.

Но накопленный капитал может потребляться в течение одного года, в течение двух лет, трех, пяти, двадцати. Ясно, что если сумма накопленного капитала (положим, 100 млн. рублей) является в виде капитала, который затрачивается и потребляется в следующий год, то это будет одно дело — это будет означать, что в следующий год расширенное воспроизводство достигнет, положим, 10%, но в последующие за тем года расширенного воспроизводства не будет. Если накоплен такой же капитал, но этот накопленный капитал в виде, положим, машин, служит 10 лет, такая форма накопления обеспечит расширенное воспроизводство в течение этих 10 лет. Таким образом, срок, в течение которого накопленный капитал реализуется, определяет темп накопления на все последующее время и, значит, если вы большую долю накопленного капитала затратите на короткий период, вы будете иметь расширенное воспроизводство, главным образом, предметов личного потребления. В этот период личное потребление может повыситься, но расширенное воспроизводство в следующие годы сократится и личное потребление тоже сократится. Обратно — если вы производите многолетние затраты капитала, то относительно личное потребление у вас сократится в ближайшие годы, но это обеспечит вам линию развития в дальнейшем. Значит учет, не только простой учет накопления, но и характера накопления, характера вложений, является необходимым условием для того, чтобы мы могли себе представить действительную картину дальнейшего развития.

Теперь пойдем дальше. Как можно распределять производительные силы, распределять накопленное? Я говорю, что и здесь мы должны поучиться у Маркса. Он начинает с простого воспроизводства. При простом воспроизводстве какое существует распределение производительных сил, т. е. какой потребует национальный доход при простом воспроизводстве? Возьмем схему Маркса. Поло-

жим, 20% необходимо на потребление рабочих, 20% на „с“ (малое), 20% на „С“ (большое). Вот распределение производимых средств или производимых ценностей между различными категориями народнохозяйственного потребления. Это, я бы сказал, распределение, необходимое для простого воспроизводства. Значит, эту сумму мы должны вычесть из национального дохода, как необходимую для простого воспроизводства. Остальная сумма должна быть затрачена на расширенное воспроизводство, с одной стороны, и на удовлетворение общественных потребностей. Какое тут должно быть соотношение? Ведь опять-таки этот остаток можно реализовать в виде оборотных средств, т.-е. они могут быть истрачены в один год, в два, в три, в пять лет, часть потребляется в определенном проценте. Что же может явиться критерием распределения этого накапливающегося капитала между этими долями по срокам потребления? Критерием может быть распределение капитала при простом воспроизводстве. Но так как расширенное воспроизводство и технический прогресс требуют относительно большей доли длительного потребления, т.-е., говоря проще, орудий производства, то этот остаток должен уже распределяться не так, как при простом воспроизводстве, а с уклоном в сторону более длительных затрат.

Я бегло наметил только схему, это требует проработки. Как правильно здесь указывалось, это надо проверить на западно-европейских данных распределения капитала по указанным мною категориям, и исходя из того сырого материала, который можно собрать и по районам и в промышленности и т. д., уже сгруппировать по намеченной выше схеме. Может быть, это покажется ересью, но, мне кажется, без такого чисто экономического анализа, без теоретического подхода, всякое планирование будет рядом благих пожеланий, которые в жизни едва ли осуществляются.

Речь В. А. Базарова

Докладчик довольно много времени посвятил критике высказанных мною взглядов по поводу методологии перспективного планирования. Но прежде чем перейти к этим вопросам, я хочу сказать несколько слов по поводу сказанного здесь П. П. Масловым. П. П. говорит, что немного отстал от перспективного планирования. Я думаю, что беда эта небольшая, так как достижения у нас очень скромные, но факт остается фактом. Если бы П. П. взглянул на наши работы, то для него бы стало ясным, что проблема накопления, например, не только не игнорируется нами, но всегда является центром перспективного плана. Вопрос о том, какой получается фонд потребления и какое в этом направлении необходимо расширение воспроизводства, мы считаем, конечно, обязательным, если хотим проектировать будущее, так же как и вопрос о развитии производства средств производства. И это не только у нас было рассчитано, но это было зафиксировано в директивах XV с'езда.

Однако, вопрос этим не исчерпывается. Дело в том, что не каждый рубль, затраченный на расширение производства, скажем, средств потребления, дает одинаковый результат; результат получается в зависимости от того, как этот рубль затрачен. Тут дело не в средствах только. Иногда бывает так, что мы берем точный расчет: и накопление у нас рассчитано, и строим фабрику по известной схеме, по последнему слову науки, рассчитываем на ряд лет, а результат получается совсем не тот, который мы рассчитали. Оказывается, что наш просчет зависит от недостатка в стране квалифицированной рабочей силы. У нас нет достаточно квалифицированной рабочей силы для ряда новых производств, часто просто нет рабочих, которые умели бы работать на новейших машинах с применением новейших методов. Простая рабочая сила воспроизводится в достаточных размерах в порядке физиологическом, а вот квалифицированных рабочих мы воспроизводим недостаточно. В результате на деле получается часто не то, что мы запроектировали.

Отсюда вытекает та постановка вопроса, которая была у меня, а именно: когда мы говорим „телеология“, это не значит, что можно приказывать осуществить что угодно. Так что положение здесь значительно сложнее, чем представляет себе П. П. Размер накопления определяется реконструктивным процессом, наличием кадров рабочей силы и перспективами возможного ее рационального использования; есть ряд других моментов, на которые раньше мы не обра-

щали внимания, но которые дают себя очень остро чувствовать. Вот вам пример: делаются новые вложения, но оказывается, что и простым расширением можно достигнуть огромного эффекта в смысле производительности при ничтожных вложениях. При установке новых производств получается гораздо более длительный период „детских болезней“, чем можно было ожидать. В связи с этим период нормального действия предприятий оттягивается. Но наряду с тем, что исторически накопился ряд факторов, которые мы не в состоянии рассчитать надлежащим образом при использовании накопления, наряду с этим у нас имеется еще огромная свобода действий там, где мы имеем дело с организованным уже ранее производством. Тут наши возможности еще очень незначительны; при чем, конечно, всякое распределение вложений должно соответствующим образом балансироваться. Если не будет надлежащей пропорции, то вступает в силу свирепый закон минимума: многое оказывается лишним, ненужным, не может быть осуществлено и реализовано.

О принципах экономической политики я говорить не буду. Целевая установка у нас есть, — она фиксирована в директивах съезда и в инструкции Госплана. И у меня она имеется.

Меня интересует другой вопрос: как можно было бы точно обосновать возможные темпы развития. Это можно сделать только путем вскрытия натурального материального процесса производства. То-есть мы должны показать, что не просто имеется какой-нибудь завод и получается такая-то продукция. Если мне говорят, что будет там-то построен металлический завод, темп будет такой-то, при этом коэффициент в Западной Европе такой-то, а у нас он принимается с известной скидкой, тогда я действительно могу знать, какая продукция получится.

Теперь я перехожу к вопросу о моих прежних работах. Действительно, в первой брошюре недопустимо было ориентироваться на аграрную эволюцию. Там сказано, что промышленность почти нельзя планировать, не учитывая тенденции развития сельского хозяйства, что мы можем только несколько стимулировать нашу политику и на этой базе строить переходный период. Нехорошо получилось. Но это было в 1923 г. А в 1920 г. была дана такая директива одним марксистом: „Вот так постройте план: предположите, что будет 100 млн. пуд. хлеба для экспорта, и на этом постройте план развития промышленности“. Эта директива дана была Лениным.

Был такой момент, когда мы зависели от хлебного базиса. Позже, в 1923 г., структура нашего хозяйства была уже не такой острой. Но здесь было что? Во-первых, в настоящее время имеется целая масса приводов, которых в то время не существовало, а во-вторых, тогда имелись такие перспективы, что мы собственно новое строительство развертывать и вообще не можем. У нас было накопление, мы производительного его затрачивали. Но оно было у нас

в таких размерах, что мы расширять производство, которое существовало, скажем, в промышленности в 1920/21 г. и которое составляло лишь 17% от довоенного (загрузка равнялась 17% нормы) не могли. И вот все наше накопление шло на то, чтобы увеличить количество сырья, стимулировать так производство, чтобы создавать у себя сырье, отчасти выписывать его из-за границы и т. д. Это мы и называем восстановительным процессом. Тут творчество, телеология были чрезвычайно ограничены. Тут приходилось разбираться в том, что же раньше развивать: текстиль или металлургию. Мы должны были учитывать, что целый ряд новых районов будет на новой энергетической базе давать иную продукцию, мы должны были рассчитывать, какие предприятия наиболее рационально развивать. Но такого выбора как теперь у нас в то время не было. Мы не могли отпускать массу средств на металлургию, так как тогда получалась бы острота в других отраслях. Были такие фабрики, оборудование которых не соответствовало своему назначению и степень загруженности которых определялась расчетным балансом. Было накопление, но его нужно было распределять по отдельным отраслям, соответственно потребности, которая была наиболее острой в данный момент. Так что телеологическая установка здесь тоже была, но она определялась условиями момента.

Основной вопрос нашего перспективного планирования — это вопрос о том, каким темпом мы будем двигаться. И тут я перехожу к вопросу о кривых. Когда говорят о кривых развития, то у многих такое убеждение, что „кривая“ вывезет, а я думаю, что „кривая“ не вывезет. Когда мы имеем перед собой временные экономические ряды, то тут нельзя делать экстраполяции из прошлого. Здесь нельзя никогда продолжать кривую по какой-нибудь формуле, просто исходя из прошлого. Я исходил не из прошлого, не из эмпирических соображений, а из теоретических. Теория здесь заключается в том, что наши материальные возможности предначертаны. Материальные возможности в смысле форм, которые промышленность может развивать, материальные возможности в смысле средств, которые мы можем каждый год бросать, — тоже предначертаны. Но вот оказывается, что темпы были различными в разные годы. Казалось бы, что мы могли после военного коммунизма, в начале нэпа взять очень большие темпы, а потом они должны были бы снижаться. Но получилось так, что в начале эти темпы были 30%, а потом 60% и больше. Почему это так? На основании знания того, что было сделано, я говорю, что это был не просто восстановительный процесс. Если бы это был просто восстановительный процесс, то в первые месяцы был бы огромный скачок, а потом рост был бы меньше. А тут была эволюция, которая состояла в том, что организовать производство было не так просто, а когда эти трудности были преодолены, то рост пошел быстрее. Когда я сопоставил эти кривые с данными нашей Промсекции, то они подтвер-

дили, что 1924 год был годом настоящей реорганизации. Это результат чисто экономического анализа действительности.

Я должен сказать, что действительно бывают случаи, когда люди проектируют на основании того, что было раньше. Я давал теорию, т.-е. анализ экономической обстановки. Всякая кривая может иметь разный смысл, и потом можно и без всякой кривой сделать проектировку в будущее, — именно, на основании прошлого или без всякого основания. В начале удвоение народного дохода было просто запроектировано, как такая точка в будущем, до которой мы хотим довести народное хозяйство. Это мы знаем. Но потом что произошло? Потом все наши районы, исходя из этого удвоения, стали делить все наше хозяйство на пятилетки. Но почему именно через 15 лет будет это удвоение? Нужно было доказать это теоретически или можно было это вывести генетически, что некоторые госпланы и делали. Но когда практически это оказалось фиксированным к 1941 г., то это вышло гораздо менее осторожно, чем я предлагал.

Вы говорите, что уверены, что будущие проектировки генплана окажутся минимальными и будут превзойдены. Добиваться того, чтобы была точная проектировка, это можно тогда, когда вы из года в год будете исходить из учета тех вложений, которые будут сделаны; но это крайне трудно и эта методология была бы неправильной. Конечно, нужно дать общую установку, а потом разбирать по годам. Но все-таки, когда вы даете такую установку и думаете, что она будет превзойдена, то важно знать, насколько она будет превзойдена. Может быть нам придется не только планету Землю включить в план, но и Марс и Венеру, может быть, перспективы наши совершенно необъятны. Но когда строятся планы ВСНХ, то проектный способ овладения миром не принимается. Генеральная проектировка была в свое время проделана на удвоение. Последний вариант пятилетки, представленный ВСНХ, дает за пятилетие планомерно по 18% прироста годовой продукции. Когда они это докладывали, то мы спросили: вытекает ли это из специфических условий данного периода, и пусть они покажут, что здесь делается. Но этой конкретизации нет. Что это будет достигнуто благодаря техническому прогрессу — здесь этого тоже нет. Писали в печати и говорили здесь, что у нас никакой затухающей нет и 18—20% — это нормальный рост советского хозяйства. Вот какая психология получается: рост за пятилетие в 2,4 раза. Проведите дальше этот темп и у вас получится через 15 лет рост производства в 30 раз, а через 30 лет в 160 раз. Корректировать можно тогда, когда вы точный расчет производительных сил производите в натуре; но и некоторые предварительные грубые соображения о форме кривой могут дать предварительные ориентировочные данные о том, правдоподобна или нет такая вещь.

Когда я разбираю последние два года, то я должен сказать следующее: почему возникает вот этот оптимизм? Вы здесь говорили,

что в 1926/27 г. восстановительный период исчерпывается. Но вот 1927/28 г. дал еще больший рост. Конечно, тут обстоятельства конъюнктурные, но дело в том, что этот тип роста продукции без новых сооружений, путем большей нагрузки старых сооружений, не прекратился. При капитализме никогда не может быть технически предельной нагрузки. Всегда экономический предел загрузки при капитализме меньше технически возможного. А у нас в наших специальных условиях это имеет место. Мы можем сделать чрезвычайный скачок в использовании производительных сил. Мне представляется, что этот двадцатипроцентный коэффициент роста при заведомо довольно плохих достижениях в области нового строительства получился потому, что сверхвосстановительная нагрузка тех же самых предприятий имела у нас место, и мы еще можем процентов 30 на это дать. Но это ничто по сравнению с 240%, на которые ВСНХ хочет за это пятилетие увеличить продукцию. Совершенно ясно, что один этот момент сам по себе не обеспечит такого результата; может быть есть какие-нибудь новые методы и способы, которые могут это обеспечить, — пока мы к этому не готовы, а этот самотечный коэффициент загрузки все-таки кончается. Такие соображения заставляют меня думать, что здесь в ближайшее время предстоит некоторое затухание, которое потом в случае, если мы сумеем овладеть реконструкцией, к концу процесса ее облегчит. К моменту завершения этого радикального преобразования старой техники будет опять некоторое затухание. Это не есть какие-то законы или неприложные формы, это есть суррогаты, помогающие нам ориентироваться.

Мы уже два года добиваемся, чтобы нам хотя бы ЦОС в своих отчетах дал отдельно: какие результаты получаются на предприятиях, на которые почти ничего не затрачено, какие на тех, на которые больше затрачено, какие на тех, которые почти совсем переоборудованы, наконец, какие на новых предприятиях. Тогда бы мы знали примерную эффективность наших вложений и могли бы посмотреть, на основании этих данных, в какой степени затухание нам грозит, и что тут было за счет сверхвосстановительной загрузки, а что за счет новых вложений. При отсутствии таких данных даже общие соображения полезны для того, чтобы в этих проектировках можно было ориентироваться. Для того, чтобы критически отнестись к таким вещам, полезно иметь в виде маленькой предварительной прикидки общие соображения относительно полноты овладения всем народным хозяйством.

Генезис в построении кривой никакой роли у меня не играл. Что можно организованно и правильно развивать обобществление хозяйства, да я этого не отрицаю. Какие здесь возможны методы? У меня была книжка, где я говорю, что вместо того чтобы была установка на вольный рынок, нужно добиться, чтобы крестьянин работал на обобществленное хозяйство, как на заказчика, который

дает ему сырье и берет продукт. Я об этом писал еще в 1922 г. Я тогда говорил о принципах перспективного планирования, имея в виду возможность наметить в ближайшие годы определенные мероприятия. Вы помните, как тогда шла проектировка? — К нам приходили представители ведомств и говорили, что намечен такой-то процент роста на год; а через месяц все это менялось. Нужно было сначала установить какие-то основы для того, чтобы проектировать даже на небольшой срок вперед. Это не был генеральный план, а это было желание немного ориентироваться, найти кое-какие твердые опорные пункты в текущей перспективной планировке, которая охватывала очень небольшой период. Совершенно естественно, что чем больше мы овладевали производством, тем больше становилось телеологии.

Но я думаю, что мы преувеличиваем силу нашей телеологии. Возьмем такой факт, как кредитование бедноты. На волость отпущены определенные кредиты на обсеменение. На каждого бедняка приходится 10—15 рублей. И вот происходит следующее: в сельсовет вызывают зажиточного крестьянина, приписывают к нему 10 бедняков, дают ему 150 рублей и говорят: ты за эти деньги должен обсеменить их поля — вот какие курьезы получаются из хороших планов. Так что и теперь мы далеко еще не овладели частным сектором, несмотря на все контрактации. И потом, контрактации значительны только в свекле и в хлопке. Тракторы, конечно, очень стимулирующий момент. Но пока этих опытов мы имеем мало.

Речь А. Л. Вайнштейна

У меня, собственно говоря, немного замечаний по докладу, потому что в значительной степени я согласен с теми положениями, которые докладчик выставил в своей печатной работе. Свои соображения я начну с заключительной части доклада. Докладчик сказал, что всякий план, который нами будет построен, генеральный план, разумеется, за 15 лет, будет планом минимальным. Мне кажется, что если генплан составлен с реальным учетом всех ресурсов и перспектив, известных в момент его составления, то нужно под этим тезисом всецело подписаться по тем соображениям, которые докладчик указал сам. В самом деле, если мы возьмем первый попавшийся пример, то увидим, какие могут произойти изменения в нашем плане, если какие-нибудь крупные усовершенствования, которых мы сейчас не знаем, будут иметь место в жизни. В этом, мне кажется, имеется существенное различие между планом, составленным на короткий срок (годовым и даже пятилетним), и планом развития длительного порядка. Например, если бы мы 15 лет тому назад стали бы проектировать в Германии развитие сельского хозяйства, то мы должны были бы базироваться, допустим, в отношении азотистых удобрений, необходимых для поднятия сельского хозяйства Германии, на ввозе их. Между тем, через 2—3 года после начала этого пятнадцатилетия мы имеем новое открытие, которое дает нам азотистое удобрение, полученное фабричным путем, открытие, которое изменяет, в конце концов, радикально темп подъема сельского хозяйства, давая Германии свой новый и дешевый источник азотистых удобрений, необходимых ей в качестве дополнительного фактора к тем минеральным удобрениям, фосфорным и калийным, которые она имела ранее внутри страны. Можно привести другой пример. Как известно, Германия стремится получать внутри страны жидкое горючее и пытается разрешить эту проблему получением жидкого топлива из каменного угля. Эта проблема уже ею разрешена, и если она будет осуществлена заводским способом в массовом масштабе, то тракторизация Германии, которая в настоящее время в силу отсутствия у нее собственного нефтетоплива проводится не очень сильно, пойдет несравненно более быстрым темпом. Это обстоятельство, так же как и в Америке, приведет к сокращению лошадей и вытеснению в посевной площади овсяного клина, что приведет к усилению производства продовольственных культур и улучшению хлебного баланса Германии. Возможно, что Гер-

мания сможет обходиться совсем без ввоза хлеба, что может иметь значение и для развития народного хозяйства СССР.

Мы находимся в таком периоде, когда в течение ближайших 10 лет могут произойти грандиозные научные открытия, которые приведут к новым крупным техническим изобретениям, а может быть и к новой революции в технике промышленности. Если вы проследите историю крупных технических изобретений, то вы увидите, что научные открытия так же, как и изобретения, рождаются пачками.

В Конъюнктурном институте НКФ была проведена работа по изучению динамики научных открытий, начиная с конца XVIII столетия, пока по физике, которая показывает, что открытия действительно идут пачками, определенными циклами. В настоящее время мы находимся также в полосе такого подема цикла открытий, а следовательно, и изобретений, которые дадут большой подъем промышленности. Может быть, не все технические открытия и изобретения послужат к росту нашего хозяйства, ибо некоторые из них могут усилить мощь конкурирующих с нами капиталистических стран, однако, в общем результате мы должны предвидеть, что, в действительности, подъем будет больше по сравнению с тем развитием, которое проектируется сейчас. Поэтому я присоединяюсь к тому положению докладчика, что действительно, как бы мы не строили план для пятнадцатилетнего периода, он всегда будет минимальным при отсутствии исключительных событий, потому, что невозможно предусмотреть, каковы будут технические усовершенствования, которые еще можно будет использовать в массовом масштабе в течение 10—15 лет.

Такой общий темп роста для нас, как, напр., удвоение глобального национального дохода в течение, примерно, 15 лет, вообще говоря, не может считаться невозможным, ибо мы знаем в капиталистических странах такие годы, когда национальный доход увеличивался на 6—7%. Если предположить, что за 15 лет мы будем иметь бескризисное развитие народного хозяйства, то эти 6% дадут удвоение (по сложным процентам). Поэтому в качестве такой ориентировки можно было бы принять (здесь, по крайней мере, нет ничего не реального) удвоение национального дохода за 15 лет. Но я бы, может быть, все-таки поостерегся давать оценку срока, в течение которого должно быть удвоение, потому что, может быть, удвоение будет за меньшее количество лет, а может быть, и за несколько большее, ибо как только дали какое-то количественное задание на определенный срок за 15 лет удвоить национальный доход, то появляется соблазн посмотреть: что же предполагаемая проектировка даст ли 100%, произойдет ли через 15 лет такое удвоение и увязывается ли это с основными заданиями по другим отраслям. Чтобы это проверить, нужно исчислить национальный доход, а для этого нужно знать будущие цифровые элементы всех отраслей народного хозяйства через 15 лет. Поэтому, давая цифровое задание, вы тем

самым неминуемо становитесь на путь статистических подсчетов, на путь обширной статистической программы. Поэтому здесь я хотел бы сделать одно замечание. Оно, как будто, не относится к статье тов. Ковалевского, который пишет: „Статистические подсчеты должны играть в этом плане сугубо служебную, подчиненную запросам политики, экономики и техники роль“. Но дальнейший текст и обширность программы требующихся подсчетов, необходимость увязки всего этого,—выдвинут статистическую работу неизбежно на первый план. Тут, собственно говоря, мое расхождение с докладчиком будет заключаться в том, что для генерального плана мы должны вовсе отказаться от статистических подсчетов будущих элементов всего народного хозяйства. Это не значит, что я отвергаю статистические подсчеты для генерального плана. Мы должны произвести сугубо тщательный анализ тех тенденций, которые были в прошлом и намечаются для настоящего времени, и именно должны произвести сугубо тщательный статистический анализ. Я согласен также с тем, что для перспективного плана и для контрольных цифр мы должны иметь статистическую базу, статистический подсчет для всего пятилетия, но для генерального плана, мне кажется, мы не должны стремиться к статистической базе и статистическому балансированию. Докладчик указывает, что мы должны представить себе тип каждого района в будущем, должны отдать себе полный отчет в будущих формах и типах нашего хозяйства и по отраслям, и по районам, и по социальной структуре. В этом и должна заключаться проработка генплана. В плане мы должны конкретизировать те основные установки, которыми мы должны руководствоваться. Например, принцип индустриализации. План должен показывать, с какой постепенностью в смысле районов, в смысле отраслей, каким темпом этот принцип будет распространяться в жизнь, идеальный тип данного района в индустриальной стране, но цифровые наметки для будущего, сколько будет выработано за 15 лет,—этого не требуется.

Мы должны определить, что фактически представляет собой промышленность в отношении каждого района, естественные ресурсы этого района, транспортные условия и потребности страны. Затем мы представляем себе контуры, схему идеального типа этого района. Это мы должны знать, это будет тот маяк, к которому мы будем стремиться, но когда мы его достигнем—через 12—15 лет или 25 лет,—мне этот вопрос представляется второстепенным. Конечно, мы будем стремиться достичь как можно скорее, но прежде всего должна быть поставлена конкретная (а не цифровая) цель и в этом заключается задача составления генплана: дело не в статистических расчетах, а именно в том, чтобы выявить будущую экономическую физиономию каждого района. Собственно говоря, докладчик вначале так и заявил, но потом он все-таки сполз на эту проторенную статистическую дорогу. Я и боюсь, чтобы построение генплана не вылилось в сводку обширного статистического материала, в ко-

тором с трудом можно будет различить, а может быть, и нельзя будет, основные контуры. Из-за лесов, которые будет окружать застройку, нельзя будет разглядеть самой архитектуры проектируемого здания.

Последнее замечание относится к тому вопросу, который поднял здесь П. П. Маслов. Он указал, что исходным пунктом всякого плана должен быть вопрос о соотношении накопления и потребления. В. А. Базаров уже подчеркнул, что П. П. ломится в открытую дверь, что тезис о превышении роста производительности труда над ростом зарплаты является основным при построении плана и должен отражать соотношение между настоящим потреблением и будущим потреблением или накоплением. Однако, конкретное разделение этих двух частей должно быть дано в плане. В генплане мы должны дать указание, насколько производительность труда должна расти быстрее, чем зарплата, в каком конкретном цифровом выражении и в каких отраслях это отставание будет больше, а в каких меньше. Этого нельзя получить из статистических материалов, это соотношение должно быть дано сверху, в порядке целого ряда соображений и не только экономического порядка. Конечно, можно обсуждать оптимальность того или иного соотношения — это другое дело. Но во всяком случае, это соотношение должно быть дано заранее и должно быть, прежде всего, протупано по отдельным отраслям народного хозяйства.

В заключение хотел бы указать тов. Ковалевскому на то, что в последнее время начали появляться проектировки на длительный срок и в иностранной литературе, в частности, мне пришлось столкнуться с работой Bowley, который дает исчисление народонаселения Англии на 15 лет, и, конечно, это исчисление имеет нечто общее с экстраполяцией или с работой американских авторов (L. Grau, O. Baker, Marschner and Weiz) о перспективах сельского хозяйства С.-А. С. Ш. Но, конечно, прав В. А., что всякая экстраполяция не есть просто продолжение прошлого, а есть изучение того, что было в прошлом. Экстраполяции, в виде графического продолжения тенденции прошлого, никакой статистик или математик не предложил бы. Однако, значение экстраполяции значительно суживается при проектировке на длительный срок, ибо уменьшается правомерность применения всякой экстраполяции.

Речь В. Г. Громана

Тов. Ковалевский назвал в докладе несколько человек, моей фамилии он не назвал, но намекнул, что он имеет в виду оратора, который говорит о примате генетической точки зрения. Мне пришлось при обсуждении методологии перспективного планирования в Госплане дать эту формулу; я продолжаю на ней стоять. Я полагаю, что если развернуть содержание того, что говорил здесь докладчик, если взять содержание того, что он читал из статьи тов. Базарова, то вы придете к данной мною формуле. Когда вы ищете логическую основу „синтеза генетической и телеологической точек зрения“, то вы должны сказать, что самая формулировка цели вытекает из генетического процесса. Маркс назвал свой социализм научным в отличие от утопического, ибо доказал, что самые силы, которые имеют преобразовать мир в социалистический, эти силы и эти устремления создаются в самом капитализме. Вот в этих пределах я и говорю, что примат всегда принадлежит генетической точке зрения, я и думаю, что я прав. Скачка из царства необходимости в царство свободы мы еще не произвели.

Если нам говорят, что каждый наш генеральный план будет неизбежно планом минимальным, потому что мы не в состоянии учесть ни будущего технического творчества, ни будущего организационного творчества и даже не знаем, что у нас под ногами окажется, когда будут вскрыты наши естественные богатства, то я скажу, что самые знания наши в каждый данный момент о хозяйственной жизни будут расти и тем самым будут увеличивать нашу мощь. Мы просто не знаем степени нашей мощи, определяемой степенью нашего знания. У нас есть формула — учимся на ошибках. Что такое ошибка? Ее происхождение, прежде всего, в незнании. Мы будем делать все меньше и меньше ошибок, так как все больше и больше будем знать. Так что целый ряд факторов за то, что сказал тов. Ковалевский, что мы строим минимальный план. Но ведь есть противоборствующие силы. Нет ничего имеющего только одну сторону. Есть силы, действующие в обратном направлении. Часть тех и других сил он отменил: сознательно отменил военные конфликты, отменил также факторы положительного характера, так как мы не можем учесть момент мировой революции и т. п. Но позвольте, товарищи, у нас есть величайшая стихийная сила — 25 млн. мелких хозяйств, 125 млн. людей, производство которых зависит от погоды. Ведь еще не осуществилось то, о чем говорит тов. Ковалевский в

конце своей статьи в № 4. „Но что произойдет, если оправдаются на широкой практике и получат хозяйственное применение работы американца Вильяма Хэйта по искусственному регулированию погоды при помощи сверхмощных токов электричества (напряжением до 1,5 млн. вольт). Последователи Хэйта утверждают, что 750 специально установленных на территории СССР вышек с затратами на это дело всего лишь 22 млн. рублей достаточно, чтобы регулировать атмосферные осадки в необходимых для сельского хозяйства пределах на территории всего Союза!“¹ Сноска на статью инж. Кажинского, который прибавил, что 22 млн. руб. достаточно, чтобы удвоить или утроить урожай, т.е. дать на 150 млн. тонн лишнего хлеба, которым можно засыпать весь мир. Но этого еще нет, товарищи! И вот проектировать такие возможности, это значит фантазировать как угодно.

Н. А. Ковалевский. — Кто же так проектирует?

В. Г. Громан. — Вы свою статью этим кончили, так для чего же вы привели это в вашей статье?

Н. А. Ковалевский. — Для того чтобы показать, что этого мы еще не можем проектировать.

В. Г. Громан. — Вот эту склонность к фантастическим построениям нужно тоже совершенно устранить; нужна большая реальность построений. Для того чтобы эту огромную стихийную силу — 25 млн. хозяйств, зависящих от внешних условий, прежде всего, в характере своего производства, сделать такими, какими они нужны для нашего социалистического сектора, нужны величайшие усилия и огромные капитальные вложения в это дело. Вот первая проблема: освобождение этих хозяйств от зависимости от метеорологических условий. Вторая проблема — освобождение их от того, что им органически свойственно и о чем говорил недавно тов. Сталин, когда он сказал, что мелкие хозяйства до такой степени консервативны, что не поддаются быстрому прогрессу и только при коллективных формах этих хозяйств можно ожидать быстрого прогресса. Эти проблемы стоят в первую очередь.

Тов. докладчик сказал, что, собственно, от 15-летнего срока он отказывается. Момент ликвидации технической отсталости и момент такой степени обобществления, при которой мы становимся, по прекрасному выражению одного товарища, „действительными организаторами народного хозяйства“, — этот момент для нас является основным. Значит, на всем протяжении генерального плана мы еще не полные хозяева, мы еще не полные организаторы народного хозяйства, потому что пока еще не овладели этой крестьянской стихией, не овладели способами борьбы с метеорологическими условиями. Мы можем дать такую формулу: в меру овладения нами силами природы мощь нашего сознательного воздействия на надстройку производ-

ственных отношений будет все более и более развиваться и усиливаться. В той мере, в которой это хозяйство будет подчинено силам природы, которыми мы не овладели, в той мере оно будет расти и развиваться стихийно. Смотрите на факты, а не сочиняйте себе среду, в которой вы живете. Не сочиняйте среду, а изучайте среду. Прежде всего нужно дать себе ясный отчет и сказать, что мы еще в таком состоянии находимся, что кроме сил, которые делают наш план минимальным, есть еще силы, которые могут его потащить назад. Скрывать эти силы от себя не нужно.

Второе, товарищи. Вот докладчик взял в основу совершенно правильно народонаселение и говорит, что народонаселение зависит от всех общественных отношений, но почему-то назвал его функцией благосостояния. Это неправильная формула. Рост народонаселения гораздо более сложная вещь, он зависит не только от степени благосостояния. Не очень благосостоятельная страна, царская Россия, давала средний коэффициент роста на достаточном протяжении времени 1,8. В этот самый период Германия давала 1,3, Англия давала 0,9, а Франция 0,09 — в 10 раз меньше, чем Англия и в 20 раз меньше, чем царская Россия, а теперь мы выводим третий год коэффициент 2,3 прироста населения в полном недоумении. Значит, формула закона народонаселения чрезвычайно сложна и зависит не только от благосостояния, но и от всего строя. Когда вы всмотритесь в причины, почему во Франции такая рождаемость, то вы увидите целый ряд факторов. Спроектировать наперед народонаселение на эти 15 лет в России это уже значит спроектировать и все остальное. Вы говорили здесь о законе цепной связи. Это величайший закон, без которого никуда не пойдешь. Если Кювье по одной кости восстанавливал целое животное, то можно сказать с большим правом, что если вы дадите для страны закон роста ее народонаселения, вы тем самым дадите и развитие ее производственных отношений, и уровень благосостояния, и все прочее.

Н. А. Ковалевский. — Почему же вы недоумеваете третий год?

В. Г. Громан. — Потому что объяснить не умеем, потому что мы большие невежды, мы мало знаем свое хозяйство и свой строй. Вы, знаете, что хотя народонаселение и его закон связаны со всем строем экономическим и культурным, со всем строем производственных отношений, но в нем есть некоторая устойчивость. Чтобы перейти от коэффициента 1,8 до коэффициента 0,09, нужна какая-то катастрофа.

Практически нужно считаться с определенной тенденцией развития крестьянского хозяйства. Почему? Потому что крестьянское хозяйство имеет, прежде всего, целью собственное потребление: на свою семью, свой двор. Вы должны вскрыть, научно понять, почему так развивается хозяйство. Ибо вы должны построить железные дороги в соответствующем направлении, открыть рынки сбыта

¹ См. „План. Хоз.“, № 4 за 1928 г., стр. 44.

чтобы вы смогли направлять это хозяйство в сторону товарности, а до этого оно будет полностью покрывать свои потребности картошкой, пшеницей, льном. Так что, когда вам говорят будто эта колоссальная стихийная сила — 25 млн. хозяйств — не имеет объективной тенденции развития, это неправильно.

Нам нужно считаться с тремя группами явлений, в меру овладения средствами производства: промышленность, транспорт, сельское хозяйство. В статье В. А. Базарова точь-в-точь то же сказано, что говорил и Глеб Максимилианович Кржижановский, который в 1928 году утверждал, что в деле изучения крестьянского хозяйства закономерности имеют и до сего времени актуальное значение. Значит, мы должны считаться с различной степенью нашего влияния на отдельные группы явлений в меру нашего овладения средствами производства. Но, во-первых, над 25 млн. хозяйств мы еще не хозяева. Чрезвычайно трудно сочетать их производственное развитие и социальное приближение к нужному нам типу. Мы почти хозяева в области крупной промышленности и транспорта, но и здесь мы должны считаться с объективными тенденциями, с условиями развития мелкого крестьянского хозяйства.

Речь И. А. Трахтенберга

В течение довольно продолжительного срока я был далек от плановой работы и от работы практической. Само собой разумеется, это является недостатком, ибо я не знаком с теми практическими спорами, которые велись, очевидно, весьма, тщательно, по поводу выработки предлагаемого нам для обсуждения плана; но, с другой стороны, я думаю, это может быть является и достоинством. Дело в том, что практицизм, вообще говоря, вещь хорошая и говорить о реальности всех показателей нужно, но этот практицизм не должен становиться практицизмом узкого хозяйственника. В сущности, само построение генерального плана может показаться заданием не реальным. Но дерзание заложено в самой советской системе. Узкий практицизм отразился и на построении обсуждаемых здесь работ плана.

По поводу общей постановки доклада я хотел бы сделать одно замечание. План реконструкции, нам представленный, в сущности, является реконструкцией технической. Цель генерального плана формулируется, как преодоление нашей технической отсталости. Телеологический принцип, подчеркиваемый планом, сводится к технической реконструкции. Однако, только так поставить вопрос, я думаю, неправильно. В сущности, план любого хозяйства есть преодоление технической отсталости и цель всякого хозяйства есть технический прогресс. Но есть и другие целевые установки не менее, пожалуй, более важные, чем преодоление технической отсталости. В начале доклада было совершенно правильно указано, что наша цель перестроить всю систему общественных отношений, а между тем, перестройка общественных отношений не устанавливается как априорная задача. Такие целевые установки, как сокращение рабочего дня, следовательно, уменьшение физического человеческого труда и повышение заработной платы, не могут быть только осложняющим моментом в генеральном плане, как это представляется докладом. Я говорю не о пятилетнем плане, который является планом строительства социализма. В докладе же повышение заработной платы является только осложняющим моментом. Правильно Н. А. указал на то, что генеральный план отличается и от контрольных цифр и от пятилетнего плана тем, что в генеральном плане должны быть установлены только основные положения. Вот как формулирует докладчик эти положения: „План должен представлять основное направление, основные контуры развития районов, приблизительно основные типы хозяйства и плановое движение

к этим целям". Основные вехи, основные контуры — совершенно правильно. Но когда мы переходим ко второй части плана, которая разрабатывает конкретную методологию, то оказывается, что речь идет не только об основных контурах. Здесь докладчик делает попытку дать генеральный план в том же почти масштабе, как контрольные цифры, т.-е. с чрезвычайной тщательностью и подробностью. „Основные контуры“ превратились в тщательную разработку деталей. В генеральном плане это не нужно.

Но более существенным я считаю следующее. Два момента, чрезвычайно важные и интересные устанавливаются в плане. В первоначальной стадии работы исходными берутся: неизменность цены и неизменность цены рабочей силы — заработной платы. Докладчик указал, если бы мы взяли подвижную цену, то получилась бы такая каша, что трудно было бы с работой справиться. Это возражение не принципиальное. Разрешите перечитать из вашей статьи, то, что вы совершенно правильно говорите о цене. Когда вы говорите о цене, то вы совершенно правильно указываете: „особое внимание в методологии генерального плана должно быть уделено вопросу о цене... В системе ценностного обмена (сохраняемой пока в генеральном плане) цена есть фокус народнохозяйственных отношений, в котором мы находим отображение сдвигов, происходящих в области производительности труда и завоеваний человека в его упорной борьбе за подчинение себе материи и ее энергетических проявлений. Но, вместе с тем, ценовой обмен есть метод перераспределения ценностей, создаваемых в этой упорной борьбе, именуемой производственным процессом, — перераспределения между различными отраслями производства и различными слоями и классами общества“¹, т.-е., иначе говоря, в меновом обмене и в цене конденсируется весь комплекс социальных отношений. Это, конечно, правильно. Но отсюда следует, что если мы, проектируя генеральный план хотя бы в первой стадии, устанавливаем неизменность цены, значит мы заранее устанавливаем неизменность всех социальных отношений. Таким образом, в качестве априорной предпосылки предполагается, что сохраняется весь комплекс старых социальных отношений. Но кроме этого, получается неправильно и с точки зрения механизма обращения. В самом деле, в условиях капитализма изменение цен способствует установлению некоей хотя бы противоречивой, но все же пропорциональности всей системе. При такой же методике вы получите систему, в которой отдельные части совершенно друг с другом не связаны. Я считаю это вопросом большой принципиальной важности; я бы лично не исходил из неизменности цен, потому что если вы априорно предполагаете, что имеете дело с отрезком времени, когда сохраняются ценностные отношения, то вся реконструкция возможна только при изменении цен.

¹ См. „План. Хоз.“, № 4, за 1928 г., стр. 20.

Ковалевский. Но для того чтобы учесть эффективность реконструкции каждой данной отрасли, нужно начать с неизменной цены.

И. А. Трахтенберг. — В чем вы найдете выражение этой эффективности, что будет показателем эффективности? (Голос: „Производительность в натуральном выражении“). В том-то и дело, что если вы делаете исчисления в ценах, вы не можете оперировать „натуральными“ величинами. Уже потом, когда все отдельные проектировки будут готовы, предполагается усложнение расчетов изменяющимися ценами. Усложнение это сводится не к пересчету, а к тому, что вам придется начать работу заново.

Таким образом, считая приемлемой общую позицию доклада, считая, что он представляет большой интерес, важность и практически реален, я указываю только на необходимость внести некоторые поправки. Во-первых, нужно такие моменты, как увеличение заработной платы и сокращение рабочего дня, брать как исходную предпосылку и, во-вторых, нужно цены априори брать измененными.

Н. А. Ковалевский. Разрешите все-таки задать вам вопрос: в чем же именно выражается влияние практицизма на эту работу?

И. А. Трахтенберг. Хотя бы в том, что у вас техническая реконструкция довлеет. Она выражается в том, что у вас развертывание хозяйства сводится к техническим достижениям и нигде я не вижу во всей вашей концепции тех социальных сдвигов, о которых вы очень много говорите в начале статьи. В самой методологии работы они не предусмотрены. Во всяком случае, вопрос о практицизме не устраняет тех замечаний, которые я сделал.

Я постараюсь быть очень кратким в виду недостатка времени. В связи с последним выступлением тов. Трахтенберга я хотел бы сделать только одно замечание. Мне представляется, что статья тов. Ковалевского о методологии значительно выиграла бы если бы он предварительно остановился на экономико-политических регулятивных идеях. Он поставил своей задачей выявить, главным образом, более близкие методологические элементы. Это чрезвычайно важная задача, но если бы ее проделать на фоне выявленных экономических регулятивных идей, то не было бы оснований для непонятных мест.

Переходя к развернувшейся здесь дискуссии, я хотел бы остановиться на тех недоразумениях, которые не должны иметь места ни в какой методологии. Здесь мне приходится подойти, прежде всего к тому вопросу, который в сегодняшней дискуссии занимал много места. Это вопрос о генетике и телеологии и о месте этих двух элементов в плане. По этому вопросу у нас были споры. Тов. Громан высказал однажды свою точку зрения насчет примата генетики над телеологией. Потом он вносил как будто поправку. Что наиболее странно, это то, что тов. Громан чрезвычайно упорно апеллирует к Марксу и соответствующим образом его интерпретирует. Я не беру на себя смелости такой, как тов. Громан — интерпретировать Маркса, я, может быть, не знаю настолько Маркса, но я просто обращаюсь к Марксу, который, на мой взгляд, уже не может быть истолкован с различных сторон, потому что то, что я вам сейчас оглашу, говорит об определенной точке зрения, которая толкованиям по своей ясности и точности не поддается. С этой точкой зрения можно только согласиться или не согласиться. Четыре года тому назад вышла книжка, которая называется „Архив Маркса и Энгельса“. В чрезвычайно интересной статье о Фейербахе Маркс и Энгельс ставят вопрос о том, что должен представлять собой практицизм, конечно, не узкий, что должен представлять собой практический материализм и как следует понимать коммунистическую работу вообще. И вот что они говорят: „Для практического материалиста, т.е. для коммуниста, дело идет о том, чтобы революционизировать существующий мир, чтобы практически обратиться против вещей, как он застаёт их, и изменить их“. Можно согласиться с этим или не согласиться, это вопрос другой, но мне кажется, что толковать по разному в ту или другую сторону эти слова никак нельзя. Здесь определенная установка — что практи-

ческий материалист, т.е. тот, кого Маркс и Энгельс называют коммунистом, должен выступать в своей работе против вещей. О том, что он должен выступать против людей, об этом сказано у них во многих местах. Нам приходится преодолевать сопротивление и вещей и людей, для того чтобы в чрезвычайно тяжелых условиях и внутри страны и международных вести социалистическое строительство. Я думаю, что именно в наше время, когда мы стоим на таком переломе, вот эти слова Маркса и Энгельса должны сделаться для нас знаменем. От этой печки нужно танцевать. Здесь дело не в догме (нам могут сказать, что это догма и отсюда все качества). Возьмем по существу — что значит в наших условиях примат генетики. Что такое наша страна? Это страна, которая имеет 300 лет дома Романовых, страна чрезвычайно отсталая, страна, которая имеет чрезвычайно много варварских пережитков, страна, которая очень поздно вступила на путь капиталистического развития, в конечном счете, страна пяти ленинских укладов. Здесь довлеет над нами генетика, чрезвычайно тяжелая. Если сказать, что вот эта генетика довлеет и должна довлеть над нашим планированием, тогда надо поставить крест на всем социалистическом строительстве, тогда никакого места для планирования нет, тогда мы занимаемся чем угодно только не делом. Ведь это нужно понять: речь идет не только о цифрах, речь идет об определенной экономической системе, о том, что представляет реальная жизнь. Мы можем планировать только выступая против вещей и против людей, преодолевая пределы сопротивления. Тов. Ковалевский указывает, что вопросы генезиса и телеологии решены пролетариатом еще в Октябрьскую революцию. Совершенно верно. Но повидимому те, кто должен от имени пролетариата строить социализм, для них этот вопрос не решен, его решить еще нужно и чем раньше, тем лучше. Я думаю, что этот вопрос заслуживает специальной дискуссии. Здесь нужно заострить положение, иначе мы будем связаны по рукам и по ногам в нашем планировании. Конечно, я не хочу делать вывода о том, что мы можем строить воздушные замки, что мы произведем прыжок от царства необходимости к царству свободы. Отсюда определенный оптимум. Если говорить об определенном примате, то мы должны принять тот примат, — который указан Марксом, Энгельсом, а не тот, который вытекает из ложных интерпретаций. Я не буду долго останавливаться на этом вопросе. Я только подчеркиваю, что этот вопрос заслуживает внимания, и нам, может, быть не раз придется возвращаться к нему, поэтому, здесь нужна полная ясность.

Я хочу сейчас остановиться на одном моменте, который затронут тов. Ковалевским относительно брошюры В. А. Базарова, напечатанной в 1924 г., и неправильной установки этой брошюры и затем относительно тех положений, которые выдвигает тов. Ковалевский о минимализме наших плановых проектировок. Я должен разграничить эти моменты формально и по существу. Формально мне кажется,

что над точкой зрения В. А. Базарова в свое время определенным образом довлела та экономическая обстановка, которая тогда была. Это объясняется и тем кризисом, который переживало наше хозяйство. Действительно, наш социалистический сектор был несколько на задворках и говорить так смело о социалистическом строительстве, как можно говорить сейчас, конечно, тогда было трудно. Я хочу сейчас, в связи с вопросом о минимализме нашего плана, указать на то, что теперь у нас имеется тоже какой-то специфический оттенок в планировании. Если взять то, что мы проектировали за последние годы и то, что получилось в действительности, то как будто бы является доказанным, что наш план отстает от действительности (голос: „это не верно“). Я берусь в более свободное время это положение проиллюстрировать на конкретном материале. Во всяком случае, такая установка, что у нас планирование отстает от жизни, от того, что получается в действительности, в настоящее время имеется. Мне представляется, что тов. Ковалевский исходит из этой установки и говорит заранее, что у нас план должен быть минимальным (голос: „не должен быть, а будет“). Я лично думаю, что и в интересах достижения и максимума и оптимума, в интересах достижения того, к чему мы все стремимся, мы должны были бы строить если не несколько вариантов, то по крайней мере еще один вариант с таким расчетом, чтобы вы могли максимально учитывать все возможные организационные достижения нашего социалистического хозяйства, его направляющее влияние на частнохозяйственный сектор, чтобы и в этом варианте дать определенное задание тем, которые осуществляют этот план, определенные установки на то, чтобы действительно добиться максимума и оптимума. Мне думается, когда речь идет об одном варианте, можно согласиться на то, чтобы иметь некоторый минимальный план, отстающий от того, что будет в действительности. Вероятно, у нас будут еще варианты, которые должны максимально учесть все возможности, все наиболее вероятные комбинации и к ним стремиться. Для такого плана можно создать и соответствующее цифровое выражение, как говорил В. А. Базаров.

Что касается тов. Базарова, то здесь речь идет о следующем: если вы возьмете ту точку зрения, которая тогда проводилась и возьмете некоторых людей, которые на этой точке зрения задерживались еще на 2—3 года позже, то от этого получают такие экономические выводы, которые, мягко выражаясь, ослабляют наши возможности планирования. Так что тут мы имеем еще некоторое заблуждение по существу, которое, на мой взгляд, не могло найти отражения в работе, говорящей о длительном периоде плана, и для дальнейшего периода должна быть установка на то, что промышленность города является ведущим началом. В чем было дело в 1923 г.? Да в том, что это превращение города в ведущее начало не могло еще в достаточной степени конкретно проявиться, хотя потенциал

эти были, и в настоящее время мы имеем на разных участках социалистического сектора ряд возможностей, которые еще не выявлены, но мы полагаем, что при нормальном развитии они выявятся, и сейчас нам приходится исходить из скрытых возможностей, которые мы недостаточно обнаружили. Но поскольку мы говорим о длительной перспективе, мы должны сказать, если не сейчас, так через несколько лет они как-то выявятся.

Когда тов. Громан говорит о том, что будут достижения к концу генерального плана, а теперь их еще нет, то это совершенно правильно. Правильно по отношению к пятилетнему плану, правильно в отношении контрольных цифр и т. д., но самый процесс развязывания наших социалистических возможностей, этот процесс должен получить не только четкое выражение, особенно в генеральном плане. Мне думается, этот вопрос тоже стоит сугубо подработать.

Я хочу еще остановиться на выступлении А. Л. Вайнштейна. Он заявил, что он согласен с положениями, которые выдвигал тов. Ковалевский. Хотя тов. Ковалевский не развивал всех экономических установок, которые должны быть в генеральном плане, но я думаю, что многие из установок, данных тов. Ковалевским, не вяжутся с последним выступлением А. Л. Вайнштейна. Когда Вайнштейн говорит: давайте строить план, то он заявляет, а все-таки без статистики. Я думаю, что в Госплане нет таких, которых можно было бы обвинять в статистическом увлечении в настоящее время и даже тов. Громан больше всех других выступал против статистического увлечения. Но говорить о том, что мы можем принять план, который ни к чему нас не обязывает, не дает никаких цифровых выражений,—это значит катиться по волнам стихии, которая имеется не только в частном секторе, но и в государственном хозяйстве. Нам нужны лимиты не только ограничивающие, но и заставляющие нас работать и двигаться вперед. При составлении контрольных цифр на 1926/27 г. тов. Вайнштейн доказывал, что дать цифровое выражение денежного обращения никак невозможно. Это вело к тому, что мы должны построить такой план на год, который нам никаких придержек не дает и никаких, толкающих нас вперед моментов не предусматривает. Другой момент: он указывает, что если не заниматься статистикой, то все-таки соотношения между зарплатой и производительностью труда нужно спроектировать. Если это положение связать с недавними выступлениями А. Л. Вайнштейна и его единомышленников, то это может привести к грустным размышлениям. Во всяком случае, в этом вопросе нужно гораздо больше ясности.

Речь Б. А. Гухмана

Интересная статья Н. А. Ковалевского „Методология плана реконструкции“, его доклад на ту же тему и развернувшиеся по докладу прения, — побуждают меня высказать несколько замечаний по затронутым вопросам.

Всякий хозяйственный план есть система экономической политики, направленная к наивыгоднейшему и легчайшему достижению поставленных целей. Поэтому не может быть никакого плана без заранее сформулированных социальных и хозяйственных целей, к которым этот план должен привести общество. Однако, в том и отличие плана от утопии, что самые цели должны быть не только точно сформулированы, но и научно обоснованы. Совершенно очевидно для всякого марксиста и не требует доказательства, что иных целей кроме научно-обоснованных, творец плана не имеет права в него вводить, а пролетариат — как класс — тащить. Научное же обоснование этих целей может быть дано только при условии тщательного исследования генезиса хозяйственного развития, знания хозяйственной эмпирики.

Исходя из этих соображений и я, вместе с В. А. Базаровым и Н. А. Ковалевским, полагаю, что спор о примате генетики или телеологии в плане является в советском государстве праздным спором; без целевой установки не может быть плана вообще; если эта установка не обоснована научно, нет плана, а есть утопия. Больше того, я готов утверждать, что это не только праздный, но и вредный спор. Прежде всего, это спор не о материальной методике плана, а о его метафизике, если можно так выразиться, а главное, что этот спор невольно заставляет подозревать сторонников „телеологии“ в „теологии“, а сторонников „генезиса“ в отсутствии „телеологических“ установок. В частности, вряд ли кто станет подозревать Р. Е. Вайсберга в том, что он „телеологию“ хочет заменить „теологией“, план — утопией и т. д., а В. Г. Громана в том, что он активную волю к преобразованию общества на основаниях научного социализма хочет заменить хвостизмом пассивного и слепого повиновения объективно-установленным тенденциям хозяйственного процесса, — как это мог бы предположить человек со стороны, послушавший их спор на прошлом заседании. К счастью, все здесь присутствующие знают их не только по этому спору, но и по делам. Я, как и другие товарищи по плановой работе, могу свидетельствовать, что не раз „телеолог“ Вайсберг бывал на практике не меньшим

„генетиком“, чем Громан, а последний часто своими законченными „целевыми“ установками и построениями приводил в невольный трепет Вайсберга.

Чем скорее этот спор о словах будет прекращен, тем будет лучше, ибо есть неизмеримо более серьезные вещи, о которых стоит и придется не раз еще спорить.

Методология перспективного плана должна быть разделена на две части: общую и частную. Первая устанавливает обязательные формальные требования, без соблюдения которых никакой план вообще не может быть построен. Частная же методология формулирует конкретные принципы построения плана. В записке о „Методике построения перспективного плана“, представленной мною в Президиум центральной комиссии перспективного планирования, следующим образом формулированы основные методические требования к составлению народнохозяйственного плана:

„Всякий народнохозяйственный план должен отвечать следующим условиям. Прежде всего, должна быть сформулирована общая экономико-политическая идея плана и конкретно характеризован выбранный тип развития народного хозяйства. Затем, должно установить, какие имеются для данного отрезка времени и территории объективные факторы, способствующие и препятствующие осуществлению этого замысла: после чего надо указать те методы экономической политики, при помощи которых можно усилить первые и ослабить вторые. Лишь после формулировки этой общей стратегии и тактики плана можно (и должно) определить тот участок траектории общего плана, который можно пройти в намеченный отрезок времени, т. е. выразить план в виде цифровой гипотезы.

Эта гипотеза должна: 1) опираться на эмпирическое знание народнохозяйственного процесса, и в тенденции своего развития согласоваться с ним; 2) в последовательном развертывании временного ряда плана этапы развития его отдельных элементов должны быть взаимно связаны и должны быть в соответствии с временной проекцией плана народного хозяйства в целом и 3) на каждом данном временном этапе плана определять условия динамического равновесия хозяйственной системы и условия ее перехода в каждый следующий временный этап. Эти последовательные этапы работы органически связаны друг с другом, и каждый из них может оказать влияние и на самую платформу плана, в известной мере ее модифицируя, что вызовет необходимость построения ряда новых вариантов плана“.

Помимо этих условий, обязательных для всякого хозяйственного плана, может быть предложен ряд частных методических положений. Но последние целиком уже связаны с той конкретной обстановкой, в которой такой план формируется; они целиком зависят от времени и места составления плана. Совершенно очевидно, что методика перспективного плана СССР и, скажем, Германии была бы различна,

а методика плана для эпохи восстановления совсем не та, что реконструкции и т. п.

Генеральный план СССР есть план социальной реконструкции на базе новой техники. Этим в огромной мере определяются и основные принципы его построения. Прежде всего, этим определяется значение проблем технической политики в предстоящий период и в системе плана. Так, характер предприятий—конкретный и оптимальный для каждой отрасли и района—должен быть выбран прежде всего. От правильного решения вопросов технической политики зависит успех всей реконструкции производственной базы. В этом смысле огромное значение получает, прежде всего, план организации теплосиловой энергетической базы страны. При этом революционизирующая и организующая роль электрификации является, несомненно, доминирующей в тех рычагах планового воздействия, которым может быть достигнута эта реконструкция. Новое общество может быть организовано только с новой техникой, а последняя в современном хозяйстве, прежде всего, определяется теплосиловой, энергетической базой и ее наиболее пока совершенным элементом—электричеством. При этом, если переход от ремесленного и мануфактурного производства к фабричному был возможен благодаря появлению машин, если машина дала возможность организации замкнутого индивидуального капиталистического производственного организма, с собственным источником двигательной силы, то переход к электрической энергии знаменует собою разрушение этой замкнутости производственного организма, появление новых источников двигательной силы, общих ряду предприятий, в которых заинтересованы различные отрасли,—является могучим фактором и новых социальных отношений, выражающихся, прежде всего, в необходимости регулирования этого основного источника производственной деятельности, и знаменует собою необходимость планового начала, объективно ставит вопрос об обобществлении средств производства. Вот почему организация энергетического хозяйства,—электрификация,—в плане реконструкции СССР занимает основное место. Но рациональная организация энергетического хозяйства определяется, прежде всего, источниками энергии, и проблемы их размещения и освоения встают в этом плане во весь рост. Народнохозяйственный план есть план общественного разделения труда и с этой точки зрения размещение энергетических ресурсов в стране, естественных богатств и населения является одной из основных проблем плана. Районирование плана, представление о районах, как о хозяйственных комплексах в общей системе народного хозяйства страны, является обязательным в плане реконструкции.

Но не меньшее значение имеет и вторая часть вопроса—организационные проблемы и, прежде, всего проблема культурного уровня. Не надо забывать, что реконструкция производственной базы воз-

можно лишь при условии создания соответствующих форм организации хозяйства и культурного уровня населения.

Исходя из этих положений, я считаю возможным сделать следующие выводы. В общем, я согласен с теми общими положениями, которые установлены в докладе Н. А. Ковалевского, я формулирую их следующим образом. Основной проблемой плана реконструкции является проблема социального переустройства и организации новой производственной базы. Последнее должно основываться на рациональной организации энергетической базы и активизации естественных богатств. Поэтому, исходя из двух основных, дающихся элементов: 1) естественных богатств и энергетических ресурсов и 2) данного культурного уровня и социальной организации общества,—ставя перед собой цель реконструкции этих элементов в определенном направлении,—должна быть сформулирована гипотеза об оптимальном решении этих проблем. Тем самым будет дана некая модель нового общества. Лишь после этого можно заняться расчетами о том, в какой срок, какими методами, какими последовательными этапами может быть достигнута поставленная цель.

Здесь мы подходим к техническим приемам расчетов. С этой точки зрения гипотеза об удвоении или ином коэффициенте роста народного дохода на душу населения есть лишь гипотеза об определении участи общего плана движения уровня производства и потребления, пройти который возможно в тот или иной срок. То же относится и к численности населения. Несомненно, что в некий момент народный доход удвоится, утроится и т. д.,—несомненно, что в известный момент и численность населения увеличится в некое число раз. Но будет ли когда-либо такой момент, когда сумма всего народного дохода страны будет равняться произведению этих двух величин раз они устанавливаются самостоятельно—нам неизвестно. Ибо нет никакой уверенности в том, что законы движения населения в период реконструкции не изменятся, а есть, наоборот, полная уверенность, что они должны измениться. Что это явление устойчивое—спора нет, но уменьшение всего на 0,3% в год, что при нынешних огромных коэффициентах роста населения вещь вполне возможная, или увеличение на ту же величину естественного прироста населения в связи с падением смертности,—может за 15—20-летний промежуток времени дать чрезвычайно большое отклонение от того, если бы рост населения проектировался по неизменному коэффициенту. Не эти расчеты, я полагаю, должны быть положены в основание определения пути, который можно пройти за тот или иной период. Мне кажется, что прежде всего должна быть определена та сумма капитальных вложений, которую требует намеченная модель,—исходя из установленного развития производительных сил как материальных, так и культурных. Затем, исходя из гипотезы об удвоении, утроении и т. п. валовой (а не на душу) суммы народного дохода должно быть установлено вероятное, возможное, жела-

тельное распределение ее на потребляемую и накапливаемую части. Первая — определит под'ем уровня благосостояния, а вторая — возможный объем вложений при этой же гипотезе. Лишь после этого возможно пойти дальше и определить те примерные сроки, в которые это может быть достигнуто и более точно установить остальные элементы плана.

Последние, разумеется, должны быть строго ограничены и тщательно выбраны.

Я хотел бы остановиться еще на одном положении докладчика, которое вызвало здесь возражения И. А. Трахтенберга. Это о расчетах в неизменных ценах. В чем заключается здесь идея?

При составлении плана важно вскрыть реальные отношения, скрывающиеся за меняющимися ценами. Основные расчеты приходится вести в натуральных измерениях, но нет масштаба измерения, при помощи которого можно было бы определить весовые изменения. Построение индексов физического объема и т. п. технически затруднительно и поэтому мы прибегаем к выражению всех основных элементов плана в неподвижных ценах. Этим самым получается определенный индекс физического объема. Эффективность данного капитального вложения также приходится мерить в натуре и неподвижных ценах: понижение норм расхода топлива, сырья, рост производительности труда, падение норм затраты труда на единицу продукта, — и, наконец, суммарный показатель, — падение себестоимости при условии, что цены на средства производства неизменны, а рост заработной платы — реальный, т. е. в неизменных ценах, — тот или иной в зависимости от условий плана.

Это есть технический прием для определения некоторых основных элементов плана — физического объема производства, потребления и т. д. Затем надо произвести расчет в изменившихся ценах. При этом за основу должно быть принято изменение реальной заработной платы, затем средств производства и, наконец, предметов потребления. Должна быть установлена система цен, исходящая из условий сравнительной себестоимости производства и цепной связи между ценами. И это не является еще окончательным расчетом, ибо затем все это должно быть переведено на язык рыночных отношений, на номинальные цены. Все это — последовательные этапы расчета.

Система перспективного планирования сложилась, как система генплана, пятилетки и контрольных цифр. В принципе пятилетка отрезок генплана, а контрольные цифры — отрезок пятилетки. В действительности, мы строим контрольные цифры, не имея пятилетки, и последнюю до генплана. Это положение вещей является трагедией для плановой работы. Я не сомневаюсь, что если в период до реконструкции мы делали порядочно ошибок в годовых планах, так как не имели перспективных, то в период реконструкции без генплана нельзя планировать. Если до сих пор это еще не осознано,

то только потому, что над нами еще тяготеет восстановительный процесс, когда мы уже его перешагнули в целом. Чем скорее будет осознано, что в этот период генеральный план — основная и необходимая работа плановых органов, — тем, по-моему, будет лучше. Работа эта, очевидно, будет, если можно так сказать, постоянной, и генплан будет расширяться концентрическими кругами: от захвата меньшего объема к большему. Упрощенство здесь было бы, конечно, гибелью всей работы. Это — упорная и длительная работа и я полагаю, что чем скорее она будет организована, тем будет лучше и для пятилетки и для контрольных цифр. В частности, пятилетка, очевидно, сможет быть удачно составленной лишь в меру развития работ по генеральному плану.

Речь А. С. Гордона

Я позволю себе остановиться на тех замечаниях, которые были сделаны в прошлый раз И. А. Трахтенбергом и тов. Вайсбергом: И. А. возражает против метода неподвижных цен и неподвижных ставок зарплаты, хотя от его внимания не ускользнуло, что впоследствии, при сверстке генплана, вводятся и подвижные цены и подвижная зарплата. Но он, повидимому, полагает, что отвлечься от подвижных цен нельзя и в первом этапе работы. Я думаю, что это или недоразумение или И. А. Трахтенберг не прав. Если мы обратим внимание на этапы составления генплана, как они изложены у Н. А., то мы увидим сначала отраслевые проработки плана и затем проработку экономики целого. Метод неподвижных цен вводится в первом этапе работы. Можно ли при отраслевой проработке плана, т. е. на первом этапе работы, ввести подвижные цены. Что мы получили бы если бы попытались их ввести в первую стадию работы? Могу на это ответить на основании опыта, который я проделал полтора года тому назад, работая над генпланом Сев.-Зап. области. Первый вопрос, который тогда перед мной стал,—это вопрос об учете эффективности реконструкции. Как можно учесть эффективность реконструкции по каждой отрасли промышленности, если сразу ввести подвижные цены. Ведь мне важно знать, что дает реконструкция данной отрасли сама по себе, независимо от эффективности других отраслей (голос: „Какая реконструкция?“). Я говорю о технической реконструкции данной отрасли. Но мало того, что я не могу учесть эффективности реконструкции данной отрасли, если сразу введу подвижные цены, я просто не в состоянии ввести подвижные цены, не вводя произвол в исчисления. Дело в том, что я не только должен показать изменение цен продукции данной отрасли промышленности, но и ввести подвижные цены на сырье и материалы, которые потребляет данная отрасль промышленности, а так как я не знаю, по каким ценам сырье, полуфабрикаты и оборудование будут отпускаться данной отрасли другими реконструируемыми отраслями промышленности, то я должен буду построить какую-то гипотезу снижения цен на все виды сырья, материалов и т. п. Конечно, ничего, кроме произвола в подобных исчислениях не может быть. Ввести сразу по всей линии подвижные цены просто практически невозможно: это внесло бы произвол в наши построения. Но это и методологически неправильно, потому что мы не имели бы никаких указаний на то, какова эффек-

тивность технической реконструкции именно данной отрасли промышленности.

Дальше И. А. Трахтенберг упрекает Н. А. в том, что он не приводит в своем докладе ни целевых, ни социально-экономических установок. Генплан не есть просто план технической реконструкции; генплан сам по себе представляет социально-экономическую установку. Над генпланом мы работаем собственно даже не 2—3 года, а лет 5—6 и за это время мы не только себе шишки набили, но и получили кой-какие результаты, договорились до каких-то определенных понятий и выработали общие социально-экономические установки и конкретную целевую установку. Эти установки разработаны, существуют и о них сейчас говорить и спорить совершенно бесполезно. Если хотите, то целевые и социально-экономические установки генплана даны в постановлениях директивных органов и, в частности, в постановлениях XV съезда. Говорить, поэтому, по поводу социально-экономических установок, когда мы обсуждаем вопрос о методике составления генплана, совершенно бесполезно. Вопросы о целевых и социально-экономических установках перспективного планирования уместны в семинарии по перспективному планированию, в учебниках по составлению планов, если таковые будут, они уместны в самом генплане и перспективном плане и при их разработке, но при обсуждении методологических вопросов, это—этап, который мы прошли, и разговаривать об этом нечего. Методология перспективного планирования должна показать, как найти те конкретные хозяйственные задания, которые являются развитием социально-экономических установок плана. Поэтому, я считаю, что Н. А. прав, когда он в своем докладе о методике генплана не останавливается на том, что нам уже известно и до чего мы определенно и твердо договорились в процессе работы над генпланом.

Теперь по поводу замечания тов. Вайсберга о связи телеологии и генетики. Я думаю, что и здесь Н. А. прав, когда он этот спор отменяет. Он прав, когда говорит, что этот вопрос решен революцией. Не знаю, почему В. Г. Громан настаивает на своей формулировке, т. е. на примате генетики над телеологией. Но я хочу указать на то (что мы все отлично знаем), что В. Г. очень охотно вспоминает и приводит слова Маркса: „Мы изучаем мир для того, чтобы его изменить“. Если, стало быть, его формулировка примата генетики над телеологией сводится к тому, то мы не можем ставить никаких целей, не изучив предварительно то, что мы хотим изменить, то это, в сущности, такая элементарная истина, против которой и спорить невозможно и против которой не стал бы спорить, конечно, и тов. Вайсберг. Совершенно естественно, что для того чтобы что-нибудь изменить, нам надо изучить то, что мы желаем изменить, но ведь целеустремленность плана от этого не теряет своего значения, и примат целеустремленности В. Г. в плане остается все же непоколебленным. В связи с этим я бы хотел по-

делиться одной мыслью, возникавшей у меня не раз, когда я работал над проблемой перспективного планирования; мысль, которая, быть может примыкает к концепции В. А. Базарова, а может быть, и сливается с ней, если я его концепцию правильно понимаю. Генеральный план, это есть план глубокой социальной трансформации, т.е. план трансформации социальных масс, но такой трансформации, которая произошла бы без социальных взрывов и без разрыва и распада социальных связей. Но ведь социальные массы обладают чрезвычайно большей силой инерции (я прошу это понимать, как образное выражение, а не как механическое толкование общественного явления). Социальная масса обладает громадной инерцией, которая, как мы отлично знаем, заключается и в старых трудовых навыках, и в давлении знаний, нами усвоенных, и в быте, и которая покоится на унаследованной нами от прошлого технике, на существующем географическом размещении производств и т. д. Вот эту силу социальной инерции мы как-то должны преодолеть. Но для этого нужно знать силу сопротивления, которое нам оказывает социальная среда. Здесь дело не в простом изучении социальной массы, ее объема и структуры, а в изучении ее сопротивления. Поэтому мне кажется, что те кривые, которые В. А. Базаров проектирует и которые, как они мне представляются, являются попыткой определения направления и сопротивления социальных масс, что эти кривые могут быть очень полезны. Они не являются кривыми плана; наоборот, они представляют собой отрицание плана именно потому, что они характеризуют сопротивление социальных масс, то сопротивление, которое мы должны преодолеть, чтобы реализовать целевую установку плана. Но изучение направления и силы сопротивления представляет собой очень интересный и очень важный методологический прием в нашем перспективном планировании.

Если обратиться теперь к тому строю мыслей, которые изложил Н. А. в своем докладе, то я должен сказать, что когда я читал его доклад и когда слушал прения, у меня создалось впечатление, что мы в нашей работе по перспективному планированию еще находимся в стадии методологии самой проблемы методологии. Казалось бы, что метод плана определяется объемом и содержанием плана, как всякий метод определяется содержанием и объемом того, что мы желаем изучить или сконструировать. Здесь же, и особенно это обнаружилось в прениях, мы имеем, как будто, обратное: метод приводит нас к объему и содержанию плана. Н. А. пришел к такому содержанию и к такому объему плана, которые (я имею в виду, разумеется, количественную сторону) привели меня в содрогание: нам — старикам не дожить до конца работ по генеральному плану, хотя не исключена возможность, что захватить краешком период развернутого социализма нам еще удастся.

Если серьезно отнестись к изложенной Н. А. программе работ по генплану, то я вижу только два метода справиться с поставлен-

ной им задачей: 1) метод интуитивных проектировок и 2) метод дальнейшей счетной обработки этих интуиций. Некоторые очень талантливые люди пользуются иногда этими двумя методами, и не без успеха. Но рекомендовать их коллективу, хотя бы и весьма квалифицированному, я бы не стал. Методы, которые рекомендует Н. А. как для создания самих материалов, так и для дальнейшего овладения ими в целях конструирования систематического целого, технически не осуществимы, а потому они практически, помимо его воли и желания, приведут к указанным мною в шутку двум методам построения плана: к интуиции и к счетной обработке интуиции.

Я должен отметить, что в докладе Н. А. имеется очень много интересных мыслей и верных положений; я бы сказал что они преобладают. Но они ориентируются на такой объем плана, который искажает его правильные исходные положения. Невозможно правильно сочетать изложенную им программу — монстр генерального плана с его указанием (которое должно стать девизом методики составления плана) на необходимость ограничить количество показателей совершенно необходимым минимумом, „иначе мы рискуем быть захлеснутыми морем цифр и утонуть в статистических абстракциях, способных задушить живую реконструирующую мысль“. Н. А., который в своих положениях так боится (и правильно боится) „статистической серости“, в программе генплана решительно отбрасывает эту боязнь. Он спрашивает: „Парфюмерная промышленность и металл, — кто осмелится бросить их разом на чашки экономических весов?“ Но в программе генплана они на чашки весов разом и брошены. Н. А. не раз повторяет мысль, которая мне особенно понятна и кажется в высшей степени ценной, мысль о необходимости конкретизации плана. Нам нужен, говорит он, не генеральный план вообще, а конкретный план, нам нужны в генплане не заводы вообще, а заводы с указанием места их постройки, их производственного типа и т. д. Трудно сочетать эту верную мысль со „статистической серостью“ программы, даже если программа предназначена для того, чтобы скопить материалы для „экономики целого“. Слишком большой „запас прочности“ берет Н. А. для генплана, слишком большие запасы материалов хочет он заготовить на постройку сооружения, для которого значительная часть этих материалов не будет нужна, слишком растянет он, поэтому, сооружение генплана во времени и, боюсь, что, благодаря всему этому, генплан, построенный на такой программе, будет очень далек от того изящного образа, который рисуется Н. А. в его сравнении „экономики целого“ с типом и характером, уловленным и переданным талантливым художником несколькими линиями и штрихами.

Что приводит Н. А. к программе, чрезвычайно перегруженной, а потому и, казалось бы, не только не нужной, но и практически вредной с его же собственной точки зрения? Мне кажется, что первопричина здесь кроется в том представлении об оптимуме, об

оптимальной линии развития, которая будто бы может быть найдена на 15 лет вперед и изыскания которой должны быть начаты одновременно во всех отраслях, по всем разделам работы. При таком взгляде на пути нахождения народнохозяйственного оптимума естественно стремление доставить „разведки“ и изыскания оптимума как можно шире, чтобы обеспечить себе надлежащий выбор сочетаний при монтаже народнохозяйственного целого. Напрасная мечта: число сочетаний окажется практически безграничным.

В свое время работники генплана выдвинули идею удвоения народного дохода на душу населения в качестве предпосылки генплана. Это — первородный грех генплана, отзвуки которого имеются еще и в докладе Н. А. Первоначальная мысль, как это нам сообщил Н. А., была — удвоение народного дохода без указания срока, в течение которого это удвоение происходит. Но если берется не удвоение валового народного дохода, а удвоение на душу населения, то элемент времени все же, хотя и в скрытом виде, вносится в предпосылку и поэтому нет ничего удивительного в том, что отрасли и все районы дали удвоение народного дохода через 15 лет. Другого способа проектировать удвоение, утроение или какое-либо иное изменение народного дохода на душу населения, как проектировать его во времени, нет. Но кроме того, от народного дохода к проектированию продукции нет возможности перебросить мост. Для того чтобы этот мост можно было перебросить, необходимо принять в качестве предпосылки не только то или иное изменение народного дохода на душу населения, но и определенное изменение в его структуре. Но дать размер народного дохода на душу населения и одновременно дать его структуру, — значит дать генплан. У Н. А. коэф. изменения народного дохода носит характер не предпосылки генплана, а „рабочей гипотезы“. Но непонятно, для чего она нужна и какую полезную службу она может сослужить.

Итак, из методологических соображений Н. А., мне кажется, надо взять то, что в них ценно, технически осуществимо и практически полезно: конкретность хозяйственных заданий, отбор „ведущих“ проблем и „определяющих черт“ народного хозяйства, решительное противопоставление, „статистической серости“ „красочности и конкретности качественных характеристик“. Это не значит, что в генплане не должно быть цифровых расчетов, но они должны быть доведены до необходимого минимума, памятуя об „относительном значении цифровых и плановых предположений“. Отбор „ведущих“ отраслей и „ведущих“ проблем народного хозяйства есть не венец, а именно начало, исходный пункт работы. Только выяснив путем такого отбора, что должно быть содержанием генплана, мы сумеем найти и надлежащие методы его построения.

Речь В. Г. Громова

Так как по поводу моего выступления выступил тов. Вайсберг, а затем, не называя моего имени, но указывая на громкий голос, высказался И. А. Трахтенберг, а сегодня и тов. Гордон, то я чувствую потребность разяснить недоразумение, тем паче, что обстоятельства мне помогли. За эту неделю вышел проект программы Коминтерна, где вы можете прочесть в буквальном смысле почти те же слова, что я говорил относительно проблемы степени нашей власти над хозяйством при наличии 25 млн. крестьянских хозяйств. Здесь сказано следующее: „Чем больше удельный вес раздробленного мелко-крестьянского труда в общей экономике страны, тем больше объем рыночных отношений, тем меньше значение непосредственного планового руководства, тем в большей степени общехозяйственный план основывается на предвидении стихийно складывающихся хозяйственных отношений“. Вы помните, как я говорил, что с тремя кругами явлений приходится иметь дело: с явлениями природы, с явлениями этой стихии 25 млн. массы мелких крестьянских хозяйств и с явлениями той сферы хозяйства, средствами производства которого мы непосредственно владеем. Я и говорил, что для этой массы крестьянских хозяйств именно необходимо изучить объективные тенденции развития, продумать перспективы стихийно складывающегося хозяйства, с которыми приходится считаться. Для меня это и было, между прочим, иллюстрацией того, что логический примат при построении реального плана хозяйства принадлежит генетике. Я говорил, что вполне солидаризируюсь с формулой, которую дал В. А. Базаров, которую принимает и тов. Вайсберг, что в плане и генетическая точка зрения и телеологическая представляют собой диалектическое единство, но для того чтобы он представлял это диалектическое единство, а не противоречие, примат логической мысли должен принадлежать генетической точке зрения.

Совершенно верно тов. Гордон напомнил часто повторяемое мною изречение Маркса: „Мы изучаем мир, чтобы изменить его“. Но тов. Вайсберг противопоставлял цитату из Маркса, что „приходится бороться с вещами“, и не договорил, что Маркс мыслит: с вещами нужно бороться при помощи вещей, с людьми — при помощи людей. Самый генетический процесс должен создать определенную силу и определенную техническую силу, которая позволила бы преодолеть другую социальную силу, другую силу техники, и вот забвение этой точки зрения, которая с полной ясностью

выявляется в том, что я только что процитировал в проекте программы Коминтерна, приводит к большим ошибкам.

Действительно, Николай Александрович говорил о необходимости творческой фантазии, а тов. Трахтенберг упрекал в излишнем практицизме. Однако, как правильно заметил один из выступавших товарищей, чтобы фантазия не была фантастичной, необходим элемент творческого процесса конструирования. Где грани? С того момента, как вы перестаете оперировать реальными силами или реальным развитием, с этого момента вы впадаете в фантастику. И вот величайшая опасность заключается в том, что в построение неожиданно влезет элемент фантастики.

Я уже говорил, что Маркс называет свое учение научным социализмом в противовес утопическому социализму, у Энгельса есть выражение, что мы возвели социализм до науки, и, может быть, очень опасно проделать обратный процесс. Мы шли от утопии к науке неужели затем, чтобы потом от науки пойти к утопии?! Выступление тов. Трахтенберга меня прямо испугало, он говорит: практицизма много, а я боюсь, что у нас слишком мало практицизма. Слишком тяжелы последствия, товарищи, если не учитывать сопротивления среды. Какой же инженер забывает о сопротивлении материи? Что он может в таком случае построить? И вот это сопротивление стихии раздробленных мелких хозяйств находится под влиянием стихий природы. Если мы логически отвлечемся от этого факта, хотя бы на одно мгновение, то мы построим фантастику, а не план — план великих работ — для социального преобразования производственных отношений, поэтому вопросам логической конструкции нашего планирования надо уделять больше времени, чем уделялось до сих пор.

Тов. Гордон сказал, что методология у нас еще смутно вырисовывается, а тов. Кржижановский говорил на С'езде, что после всех прений все-таки приходится возвращаться к методологии плана ГОЭЛРО. У нас есть формулировка для контрольных цифр, что то есть синтез прогноза и директивы. Я думаю, что в общем это пригодно и для генерального плана и вообще для предвидения будущего. Но, товарищи, с отдалением периода времени, несомненно, теряет свою определенность, свою конкретность, свою точность и наше предвидение. И в связи с этим наши директивы становятся более общими.

Нужно сказать, что у Н. А. в конце его речи, где он в двух—трех штрихах изображает разного типа людей и кончает словами: „основные контуры“, содержится идея, что генеральный план должен дать нам именно основные контуры будущего развития народного хозяйства, и это основная его идея. Но контуры чего? Контуров результатов, — не здесь центр тяжести, а контуры методов преобразования жизни, технических и организационно-социальных, — вот в чем центр тяжести генерального плана.

Речь С. С. Зака

Самое существенное в докладе тов. Ковалевского я усматриваю в том, что он устанавливает определенную разницу между генеральным планом и перспективным планом. Эту разницу до сих пор у нас очень мало сознают. Частенько под генеральным планом у нас понимается план на известное число лет с превышением обычной пятилетки. Вряд ли также могло бы быть содержанием плана материальное определение увеличения народной доходности или дохода, примерно, на душу в два раза. Тут все вертится около вопросов „перспективного“ плана. Под генеральным планом нужно понимать нечто более существенное. В докладе тов. Ковалевского я именно это и почувствовал. Под генеральным планом нужно понимать план перехода от одной стадии социально-экономической жизни к другой стадии. Генеральный план должен охватывать собой законченный историко-экономический цикл. Он должен нам дать некоторый процесс развития, который в результате дает какой-то новый социально-экономический уклад. Если подойти к этому вопросу с точки зрения исторического цикла, то конкретно нужно сказать, что в СССР генеральный план должен охватить некоторый хозяйственный процесс, который ликвидирует так называемую „новую экономическую политику“ и построит социализм как стадию, предшествующую коммунизму. Следовательно, вся конструкция генерального плана должна быть построена таким образом, чтобы она дала нам процесс ликвидации нэпа и создания на развалинах нэпа какого-то нового уклада, который называется социалистическим. Пожалуй, что в этом представлении о генеральном плане усмотрят больше фантазии, чем в предложении предшествовавшего оратора о перенесении столицы из Москвы на Урал. Но дело в том, что мы волей-неволей должны остановиться на этой „фантастической“ идее, потому что нэп — это переходная стадия. Если мы желаем составить генеральный план, то это значит, что последний должен ликвидировать эту переходную стадию. И тут мы упираемся в старый спор о генетике и телеологии.

Долго останавливаться на этом споре я не стану, скажу только, что когда вместо генетики берут статистику, то делают грубейшую ошибку. Рассматривать какой бы то ни было исторический процесс, как продолжение какой-то ломаной линии, нельзя. История не повторяется и не продолжается, а изменяется. Экономическая жизнь имеет свои законы развития — общие, и для каждой страны в отдель-

ности. Эти законы необходимо изучать, но не для того, чтобы им подчиняться, а чтобы их подчинить задачам экономической политики. В данном случае, при построении генерального плана мы должны быть в роли механика, который использует физику. Конечно, инженер учитывает сопротивление материалов, о котором говорил тов. Громан, но не подчиняется этому сопротивлению, а подчиняет его себе. И если мы так подойдем к телеологии, именно в этом смысле, а генетику поймем в том смысле, что она открывает те законы, которыми мы будем пользоваться для своих построений, не подчиняясь этим законам, а подчиняя их себе, то, конечно, мы в работе по генеральному плану отведем определенное место и генетике и телеологии. Повторяю: экономическая политика—это вовсе не политика, которая подчиняется каким-то определенным экономическим законам; экономическая политика подчиняет экономические законы себе.

Поясню свою мысль конкретно. Если вы вскроете определенные экономические законы, то увидите, что одни благоприятствуют тому пути развития, по которому народное хозяйство СССР должно пойти от нэпа к социализму, а другие противодействуют развитию в этом направлении. Мы имеем возможность ослаблять вредные влияния и содействовать положительным влияниям. Если мы так поставим вопрос, то, конечно, нет никакого противоречия между генетическим и телеологическим моментами в работе, потому что действительно они будут друг друга дополнять. Решающей здесь является правильная формулировка основной задачи генплана: что мы строим в этом плане,—вообще какие-то линии неопределенного развития, или мы идем к какой-то определенной цели. Я думаю, что генеральный план будет ценен постольку, поскольку он нам конкретно представит процесс перерождения нэпа в социализм. На этом фоне потом мы будем строить перспективные планы в границах тех или иных отрезков времени, которые нас приближают к поставленной цели. Отсюда ясно, что вопрос о времени не должен предшествовать работам по генеральному плану. Время выяснится тогда, когда вопрос будет проработан в целом.

Прибавлю, что, конечно, генеральный план не должен быть общим лозунгом. Это должно быть конкретное, проверенное числовыми расчетами выражение всего развития. Хотя, с другой стороны, я бы не особенно конкретизировал генеральный план и ограничился бы общими контурами. На этом фоне потом можно расположить перспективные планы, достаточно детализированные.

Итак, самым ценным в докладе тов. Ковалевского я считаю то, что он вводит генеральный план в рамки, отвечающие именно такому смыслу генерального планирования.

Речь И. А. Трахтенберга

Я взял слово только для того, чтобы пояснить, что мною было сказано на прошлом заседании. Поэтому могу ограничиться только парой замечаний.

Было бы чрезвычайно досадно и я бы сожалел о своем выступлении, если бы докладчик так же меня бы понял и так же упростил бы вопрос, как это сделал один из выступавших здесь товарищей. Возможно, впрочем, что в таком упрощении я сам виноват, так как неясно изложил свою мысль.

Какова основная высказанная мною мысль? Н. А. талантливо и правильно прокламировал социально-экономическую установку в первой части своего доклада, но во второй части доклада программой работ не гарантируется эта установка. Программа составлена так, как будто все дело сводится к технической реконструкции. Социально-экономические изменения же явятся результатом технической реконструкции. Я же полагаю, что социально-экономические изменения должны быть априорным заданием. Предусматриваемая программой хотя бы и в начальной стадии работ неизменность цен является для меня одним из показателей неправильной постановки вопроса. Вопрос этот я считаю вопросом не техническим, касающимся только техники работы, а вопросом принципиальным.

Я полагаю, что указанный мною недостаток можно исправить, не нарушая стройности чрезвычайно интересного и продуманного построения, представленного нам Н. А.